

— По одному рецепту в день, варить один час, — он передал рецепт Цзюаньжуну, который заботился о детях.

— Слушаюсь.

В Павильоне Лotosового Корня он никогда не вмешивался в распределение задач, считая, что Цзюаньжун и другие справляются отлично.

Солнце уже клонилось к закату, и Чэнь Цянь, приняв благодарность от Шан Чжэна, решил уйти. Если задержится, то не успеет купить всё необходимое до закрытия магазинов. Мальчик смотрел ему вслед с восхищением, его глаза сияли, как звёзды. Он испытывал глубокую симпатию к этому человеку, напоминающему бессмертного.

Но им не удалось уйти по плану. Ван Цзиньюань, худощавый и слабый, как тонкая ива, стоял у входа в Павильон Лotosового Корня, но не входил.

Он старался сохранять изысканный и учтивый вид, но не мог скрыть своей привычной надменности. Чэнь Цянь вздохнул, он уже начал понимать, насколько этот человек может быть назойливым.

— Учитель, не пройдёте ли?

Чжан Чжицин, стоявший рядом с Чэнь Цянем, принял оборонительную позу. В последнее время он стал гораздо спокойнее, перестал устраивать сцены. Чэнь Цянь знал, что Му Яо, должно быть, сделал что-то, о чём предпочитал не говорить, но не хотел вмешиваться.

Чэнь Цянь успокаивающе посмотрел на сопровождающего и обратился к Ван Цзиньюаню. Как можно было отказаться в такой ситуации?

— Пойдём.

— Учитель, вы прямолинейны.

Чэнь Цянь услышал от Ван Цзиньюаня совершенно другую историю о Му Яо.

Тот образ, который описал Ван Цзиньюань, заставил Чэнь Цяня почувствовать холод в душе.

Чайная комната в доме Вана была скрыта от посторонних глаз, чай перед Чэнь Цянем оставался нетронутым. Он опустил глаза, не зная, как реагировать.

Перед ним сидел девятнадцатилетний юноша, который с изяществом снял пену с остывшего чая, сделал небольшой глоток и, подержав чашку в руках, успокоился, прежде чем поставить её обратно.

Он поднял взгляд на Чэнь Цяня:

— Учитель не верит мне? Это понятно, ведь такой Му Яо совершенно не похож на образ, который он старается создать перед вами. Вам трудно поверить.

Ван Цзиньюань сделал вид, что ему всё равно, и с притворной досадой сказал:

— Учитель, почему вы не смотрите на меня? Я так некрасив? Я говорю это только ради вас.

Его слова были полны сарказма.

Эх.

Чэнь Цянь встал и только тогда посмотрел на Ван Цзинъюаня.

— Прошу прощения, у меня есть дела. Господин Ван, делайте, что хотите, — он говорил без тени подобострастия.

Он почти потерял способность думать, едва закончив фразу, и, больше не обращая внимания на Ван Цзинъюаня, покинул чайную комнату.

Раньше Ван Цзинъюань сказал, что хочет обсудить важные дела, и Чэнь Цянь терпеливо последовал за ним в эту чайную комнату в восточном крыле дома Вана, где принимали гостей. Теперь, выходя из элегантной комнаты, наполненной ароматом чая, который он не чувствовал, но мог представить, он чуть не споткнулся о резное дерево у двери.

Кукла, похожая на Будду, которую держала мать, смеялась ему в лицо, словно насмехаясь.

Он с досадой обошёл резное дерево и с трудом вышел во двор. Солнце, уже клонящееся к закату, всё ещё было ярким, и жара заставляла его щуриться.

Не то чтобы он был сильно расстроен, просто всё казалось неуместным. Казалось, что в Му Яо действительно должно быть что-то такое, и он должен был это предвидеть. Но, возможно, это было не так.

Разочарование? Нет, не совсем.

Ван Цзинъюань сказал, что первым, кого убил Му Яо, был слуга. Это был вовсе не тот случай с наложницей Вана, который якобы его унижал. Тогда ему было всего пятнадцать лет.

Это произошло в первый год его жизни в доме Вана.

Ван Цзинъюань не знал, почему Му Яо убил его, но у него были доказательства, что именно Му Яо с ужасающей жестокостью — вырвав язык и расчленив тело — убил Цзян Си.

Чэнь Цянь смутно помнил имя Цзян Си, но не мог вспомнить, где слышал его. Чувство знакомости быстро исчезло.

В то время он находился рядом с Суйинь, поэтому не знал подробностей. Ван Цзинъюань с злорадством рассказал об этом и показал окровавленный нефритовый амулет. Чэнь Цянь поверил ему, но внутренне считал, что у Му Яо были свои причины.

Амулет был подарен матерью Му Яо, и он не особенно ценил его. Но Чэнь Цянь запомнил его из-за изысканной резьбы в виде розы. Когда он вернулся и заметил, что амулет Му Яо сменился, он с любопытством спросил и узнал, что тот потерял.

Молочно-белый нефрит и светло-зелёная кисточка с пятнами крови — это точно был амулет Му Яо.

Теперь окровавленный амулет был в руках Чэнь Цяня. Ван Цзинъюань, увидев, что он долго смотрит на него, без колебаний отдал его. Чэнь Цянь не отказался.

Тогда он ещё мог сохранять спокойствие, и наставник даже спросил:

— Так что же вы хотите сказать, господин Ван?

Но следующие слова Ван Цзинъюаня лишили его возможности сохранять равнодушие.

— Ха, что я хочу сказать? Хочу сказать, что ваш ученик совсем не тот, кем вы его считаете. Вы, как и все, наверное, думаете, что я убил Ван Цзинлю? Мне тогда было всего шестнадцать! Он был моим старшим братом, с которым я вырос, неужели я мог убить его?!

Юноша говорил с недоверием, его голос звучал истерично. Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться, и продолжил:

— Да, Му Яо впервые убил человека, когда ему ещё не было шестнадцати. Но я не такой. Ван Цзинлю убил он! И приказ уничтожить все его силы тоже отдал он. Те сотни людей — все были убиты по его приказу.

Чай, который налили специально, уже остыл, но Ван Цзинъюань даже не притронулся к чашке. Он закрыл глаза, на его бледном, ещё юном лице была видна слеза.

Через мгновение он открыл глаза, полные решимости.

— Ван Сычжи был отравлен им, а не умер от болезни.

Это стало последней каплей. То, что Чэнь Цянь не мог опровергнуть.

Эта история произошла после того, как Чэнь Цянь покинул Чжунчжоу. Недавно, вернувшись из Шу, Му Яо вкратце рассказал наставнику о событиях тех лет, чтобы тот знал, как он развивался.

Му Яо говорил кратко, сказав лишь, что тогда он успешно прошёл испытания, установленные советом старейшин Вана для молодёжи, и вошёл в совет. С тех пор никто не смел его недооценивать. Ван Сычжи был сторонником старшего брата Ван Цзинъюаня, Ван Цзинлю, их дядей. В доме Вана он занимал высокое положение.

Му Яо сказал, что для того, чтобы свергнуть Ван Сычжи, потребовалось много усилий: расширение связей и влияния, повышение силы, завоевание доверия людей и даже поиск компромата на Ван Сычжи, чтобы однажды быстро его устранить.

Позже Ван Сычжи хотел служить двум господам, но Му Яо не позволил. Вскоре он умер от болезни.

Му Яо рассказывал об этом с лёгкой усмешкой.

— Ван Сычжи много мне помог.

В разгар лета Чжан Чжичэн управлял лошадьми в передней части кареты, и Чэнь Цянь однажды почувствовал явный сбой в управлении внутренней силой. Колебания энергии исходили из передней части. Это указывало на эмоциональную нестабильность хозяина силы.

Наставник удивился причине, но Чжан Чжичэн быстро успокоился, а ученик, казалось, не обращал внимания на происходящее, поэтому Чэнь Цянь не смог спросить об этом. Теперь он понял, что Чжан Чжичэн был в шоке.

То, что рассказал Му Яо, было лишь отдалённо похоже на правду.

Согласно словам главы дома Вана, всё было иначе.

Тогда образ изысканного и учтивого юноши, который создавал Му Яо, не был безупречным. Ван Сычжи был слишком проницательным и почти сразу понял, насколько этот человек жесток, решителен и умен.

Он мог добиться многого.

Ван Цзинлю был добрым, способным, но не амбициозным. Чэнь Цянь не знал этого, лишь смутно слышал, что Ван Цзинлю относился к людям с добротой.

Поэтому, когда он впервые услышал от служанки, что Ван Цзинъюань убил Ван Цзинлю, Чэнь Цянь тоже подумал, что Ван Цзинъюань жесток.

Кажется, это было Цзюаньжун, кто случайно упомянул об этом.

Но теперь сам Ван Цзинъюань спокойно сказал, что убийцей Ван Цзинлю был Му Яо. И что Ван Сычжи был отравлен им. Всё его изящество было притворством.

— Доказательства? — недоверие наполнило холодные глаза Чэнь Цяня, его маска спокойствия начала трескаться, но он всё ещё пытался сопротивляться.

Ван Цзинъюань выглядел печальным и одиноким. Он всегда был высокомерным, но не жестоким. Но никто не верил в это, все думали, что он убил своего старшего брата, с которым вырос.

Хотя это действительно помогло ему укрепить своё положение.

Иногда жестокость и устрашение действуют лучше, чем мягкие слова.

<http://bllate.org/book/16807/1545696>